

УДК 37.017.92

**ОБРАЗ СТЕПАНА КОПЕНКИНА В РОМАНЕ
А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»**

Ющенко А. В.

Бакалавр института филологии

Петрозаводский государственный университет

г. Петрозаводск, Россия

Аннотация. Творческое наследие А. Платонова в наше время активно исследуется специалистами в области филологических наук в связи с запретом на публикацию произведений писателя в советское время. В статье подробно рассмотрен образ Степана Копенкина, приверженца революционных взглядов; образ Пролетарской силы, лошади героя; образ Розы Люксембург через призму восприятия революционера Копенкина. Поднят вопрос о тайне имени персонажа. Раскрыто противоречие, заключающееся в разрыве идеологических стремлений Степана и их мотивации.

Ключевые слова. Платонов, образ, Копенкин, революция, символ, Чевенгур.

***THE IMAGE OF STEPAN KOPENKIN IN THE NOVEL A. PLATONOVA
"CHEVENGUR"***

Yushchenko A.V.

Bachelor of the Institute of Philology

Petrozavodsk State University

Petrozavodsk, Russia

Annotation. The creative heritage of A. Platonov is being actively investigated by specialists in the field of philological sciences in connection with the ban on the publication of the writer's works in Soviet times. The article considers in detail the image of Stepan Kopenkin, a follower of revolutionary views; the image of Proletarian power, the horse of the hero; the image of Rosa Luxemburg through the prism of perception of the revolutionary Kopenkin. The question of the mystery of

the character's name has been raised. The contradiction is revealed, which consists in the gap between Stepan's ideological aspirations and their motivation.

Keywords. Platonov, image, Kopenkin, revolution, symbol, Chevengur.

Роман «Чевенгур», опубликованный отрывками в 1928-1929 годах, считается, по мнению С. И. Кормилова, «единственным завершенным романом в творчестве Платонова» [2]. Удивительное количество реминисценций, отсылок, интертекстуальных связей формируют огромную базу для исследователей-литературоведов, а интерпретирование романа до сих пор не поддается единой модели. Социалистические и коммунистические идейные включения то ли являются насмешкой над утопическими стремлениями большевиком, то ли обнажают слабые места системы с целью ее доработки и совершенствования. Независимо от многообразия и сложности интерпретаций, утопический жанровый элемент рождает «героев своего времени»; образы, требующие исследовательского внимания и комментирования. Одним из таких образов, типичного для периода пропаганды коммунистических соображений, стал образ Степана Копенкина, самоотверженного революционного рыцаря в лаптях.

Очевидно в описании Степана Копенкина противоречие, заключающееся в разрыве его идеологических стремлений и их мотивации. Цель приверженцев коммунистических взглядов проста и ясна - это желание построить идеальный мир, где царит равноправие и справедливость. Что предшествует цели, какие мотивы? Выбраться из нищенского положения, стать частью чего-то масштабного, внести свой вклад в создание утопического будущего. Чем руководствуется Степан Копенкин? По его словам, любовь к Розе Люксембург рождает в нем желание «положить на ее могилу всех ее убийц и мучителей» [4] (В дальнейшем ссылки даются по изданию, указанном в источнике). Жестокость, с которой Степан подходит к доброму и благородному делу, свидетельствует об одной движущей силе –

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

ревностной и страстной любви. Вынужденные убийства, кровопролитие и многочисленные жертвы не вызывают в «истинном» коммунисте, норовящем преобразовать общество в лучшую сторону, радости. Оттого еще ироничнее звучит полная реплика героя: «...Давайте выпьем напоследок, чтобы набраться силы для защиты всех младенцев на земле и в память прекрасной девушки Розы Люксембург! Я клянусь, что моя рука положит на ее могилу всех ее убийц и мучителей!» Упоминание о младенцах не получает развития, в то время как мысли о Розе преследуют Степана до самой смерти.

«Чувства о Розе Люксембург так взволновали Копенкина, что он опечалился глазами, полными скорбных слез. Он неугомонно шагал и грозил буржуазии, бандитам, Англии и Германии за убийство своей невесты», - цитата подтверждает предыдущий тезис: чувство к женщине рождает в персонаже ярость, злобу; энергию, которую Степан сублимирует в идеологию.

«Моя любовь теперь сверкает на сабле и в винтовке, но не в бедном сердце!.. Врагов Розы, бедняков и женщин я буду косить, как бурьян!» (С. 50) - бедняки как самое слабое звено государственной системы, требующее защиты сильных большевиков, оказывается под угрозой из-за сердечной склонности Степана. Его волнует не столько будущее страны, сколько количество жертвоприношений, способных оправдать смерть любимой женщины. Откровенная ирония в авторском раскрытии персонажа посредством его высказываний и отсутствие дидактических отступлений дает читателю самостоятельно сделать вывод о честности и правильности поведения одного из главных представителей коммунистических идей. Подобный подход подтверждает верность антикоммунистической интерпретации А. Н. Варламова: «революция – это приход к власти дураков» [1].

Однако Степан не просто слепо убивает тех, кто не одобряет коммунистической политики; вместе с Александром Двановым он ездит по Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

деревням и агитирует людей, объясняет им, как нужно жить, привлекает непривлеченных. Платоническая любовь к Розе, как искра, разожгла в герое пламень любви к другим людям: «Не одна любовь к срубленной Розе существовала в сердце Копенкина – она лишь лежала в своем теплом гнезде, но это гнездо было свито из зелени забот о советских гражданах, трудной жалости ко всем обветшалым от нищеты и яростных подвигов против ежеминутно встречающихся врагов бедных» (С. 67).

Символичен и образ лошади Копенкина. Кличка коня – Пролетарская Сила, и в этом тоже наблюдается некоторая ироничность: как и пролетариат, конь готов питаться молодыми плетнями, соломой крыш и довольствоваться малым. В этом описании заключается весь смысл пролетарских движений, организованных во имя совершенного государственного аппарата. Однако описание рациона коня включает две составляющие: «...чтобы достаточно наестся, конь съедал по осьмушке делянки молодого леса, а запивал небольшим прудом в степи». В этом фрагменте усматривается схожесть животного с конями богатырей из русских былин. Раздвоенная характеристика гастрономических предпочтений неразрывно связана с кличкой «Пролетарская Сила»: «Пролетарская», соответственно, характеризует пролетарское начало верного последователя революции, а «Сила» указывает на связь со стереотипной русской силой, литературными истоками уходящей в традиции и фольклор.

С. Г. Семеновна в предисловии к изданию 1988 года, выразила следующее мнение о реминисценциях в романе, связанных и с образом коня Степана: «Копенкин и его конь Пролетарская Сила - наиболее колоритные персонажи романа. А Пролетарская Сила к тому же как будто вышел из богатырской быliny. В связи с образами Копенкина и его коня возникает цепь ассоциаций, уходящая корнями в богатую мифологическую традицию, начиная от средневековых рыцарей-паломников ко гробу господню, искателей святого Грааля, до Дон-Кихота с Росинантом. Как Дон-Кихот

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

сражается с ветряными мельницами, так и Копенкин сечет саблей «вредный воздух»: вносит неразбериху в сигналы, которые буржуи по радио пускают...» [5]

Примечательно, что именно на коне Степана главный герой, Александр Дванов, «подъехал к урезу воды» (С. 212), чтобы завершить свой жизненный путь. Главный герой не был предан идее, как Пролетарская Сила была предана хозяину; как хозяин был предан Розе и революции соответственно. Степан погиб, сражаясь с врагами, напавшими на утопическую модель коммунизма, даже разочаровавшись в чевенгурских коммунистических идеалах после эпизода смерти ребенка, и в этом проявляется благородство его смерти с идеологической точки зрения. Александр погиб, потому что «не пожалел родину и оставил ее» (С. 212). Автор не выражает симпатию или антипатию открыто, не поощряет и не осуждает действия героев, поэтому читатель, в зависимости от своего мировоззрения, вправе выбрать более близкую по духу сторону.

Любопытна и этимологическая история имени Степана Копенкина. Следующим образом трактует его фамилию Станислав Львовский (при рождении — Юрий Михайлович Сорочкин): «Фамилия Копёнкина, происходящая от слова «копёнка» (то есть небольшая копна), во-первых, как указывают многие исследователи, связана с тем, что он воплощает в романе хаотичное, беспорядочное начало, поскольку «действовал без плана и маршрута, а наугад и на волю коня... считал общую жизнь умней своей головы». Во-вторых — и это, возможно, даже важнее, фамилия его указывает на копьё: Копёнкин имеет несомненные черты Дон Кихота, а его лошадь, Пролетарская Сила, так и вовсе почти тёзка с Росинантом — имя последнего означает по-испански рабочую лошадь, тяжеловоза, а в переносном значении — грубого, необразованного человека» [3]. Даже сама фамилия является реминисценцией. Художественно-литературный пласт, заложенный в тексте, удивляет глубокой содержательностью. А. Платонов на номинативном Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

уровне воздействует на сознание читателя, уводя его к корням более прочным и глубоким в силу их первоизданности.

Поведем итоги данной работы. Образ Степана Копенкина противоречив и неоднозначен: если в начале текста акцентируется внимание на его всеобъемлющей любви к Розе Люксембург и желании отомстить ее обидчикам, то в следующих главах он приобретает иные черты: гуманистическое начало, человеколюбие и сострадание к нищим.

Конь Степана, Пролетарская Сила, своим описанием частично помещает образ Копенкина в обстановку русского фольклорного колорита, отличительными признаками которого являются вышеописанное человеколюбие и жалость к страдающим.

Фамилия героя обуславливает структурную хаотичность произведения и помогает в определении смысла текста, а также устанавливает связь с романом Мигеля де Сервантеса, написанным в семнадцатом веке. Одна из функций интертекстуальных включений – отразить исторический цикл, продемонстрировать повторение одних сюжетов и рождение схожих типов, характеров, что и реализовал А. Платонов в своем романе.

Библиографический список:

1. Варламов А. Н. Андрей Платонов. - Москва: Молодая гвардия, 2011. - 544 с. - Текст : непосредственный.
2. Кормилов С. И. (отв. ред.), Зайцев В. А., Скороспелова Е. Б. История русской литературы XX века: 20-90-е годы : основные имена : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки и специальности "Филология". - 2-е изд. - Москва: Изд-во Московского ун-та, 2008. - 570 с. – Текст : электронный.
3. Львовский С. Андрей Платонов "Чевенгур" // Полка. – 2019. – Текст : электронный.
4. Платонов А. П. Чевенгур. - Москва: Азбука , 2012. - 212 с – Текст :
Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

непосредственный.

5. Семенова С. Г. Предисловие : Платонов А.П. Чевенгур: Роман. - М.: Худ. лит., 1988. - 413 с. – Текст : электронный.

Оригинальность 95%